

* * *

Я Родиной Тебя назвать не смею,
А если называю, значит, лгу.
Не Ты мне повязала крест на шею,
Я реки не сгибал Твои в дугу.

И не Твоё я в детстве видел небо,
Не обо мне по сёлам бабий вой.
Но хочешь... Хочешь — всей души потребуй!
Прости меня за то, что я не Твой.

Но Ты лежишь, укутанная в север,
И шепчешь мне: «Куда, на что идёшь?»
А я в ответ: не верь мне, как не верил
Я сам в свою рифмованную ложь.

Не называй меня приёмным сыном:
Ещё я должен это заслужить,
И тяжесть мук Твоих взвалить на спину,
И каждый век Твой заново прожить.

Но снова смута на Твоих просторах
И хлещет кровь удушливым дождём.
Я только вздрагиваю в разговорах
При имени Твоём.

Ташкент, 1999

* * *

Загорелые груди гор
Тянет врезаться в голубой простор!
Весь базар как живой ковёр,
Переплавленных лиц ковёр.

В загорелой печи Солнцестан
Плавит медное тело дехкан.
В их поющей крови — Тимур,
Весь навек в их крови — Чингисхан.

Пусть земля и одета в бетон
И дутара всё жалобней стон,
Так и кажется: выплывет слон,
Искандера Двурогого слон.

Так и слышится гневный Коран
И костей переломанных хруст,
А в глазах, как провал, — Ариман,
И лучами пылает Ормузд.

Запах солнца тягуч и бур.
Зацепиться б за солнечный шнур!
На тебе моя кровь, Чингисхан!
На тебе, хромоногий Тимур!

Ташкент, 2000

* * *

Ворвалось через форточку нагло,
Лёгкий тюль растрепало и скрылось,
И в листве шелестело и плакало,
И дождём долгожданным умылось.

И асфальтом зажатые тополи
В упоении закивали,
В сотни белых ладоней захлопали
Да ладонями и закидали.

Закружило, зацеловало
Неземной и нездешней прохладой,
В небесах поплыло покрывало,
Зацепив где-то запахи сада,

Зацепив где-то запахи леса,
Запах поля, такого далёкого,
Чтоб потом азиатские веси
Долго ветрами акали, окали.

Ворвалось, притаилось, прислушалось,
Разбудило забытые были,
Унесло обалделую душу
На трепещущих, ласковых крыльях.

Ташкент, сентябрь 1999

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

В зоопарке сегодня паника.
«Быть не может!» — говорят все ведь
И пытаются Федота-охранника:
«Это правда, что запел лебедь?»

И Федот отвечает: «Я ж его
Не дразнил, не бил. Хоть ты тресни! —
Всё равно по-их, по-лебяжьему,
Ночью этой затянул песню.

Лебедь простенькой, энкубаторской...
Он мороженую ест рыбу.
Почему запел, зарыдал с тоски,
Расспросили у него вы бы».

За оградой в зелёной лужице
Красным клювом о бетон бьётся,
На подрезанных крыльях тужится
Улететь — только песнь льётся.

Пробудились гиены спящие,
Загорелись огоньки в небе.
Песню, душеньку лебедающую,
В зоопарке затянул лебедь:

«Гханг-ханг!.. Ган-го!.. Раздолье полное!..
Машут крыльями в небесах звёзды.
Это ж лебеди, только вольные,
Держат путь на луну — в гнёзда.

Тянет, тянет туда к ним — вот уж как!..
Покидают меня силы...
Полечу я к своей лебёдушке,
Полечу я далеко — к милой...»

Лебедь стонет в холодной лужице,
Лебедь плачет: «Не стерплю дольше...»
Лебедь дёрнется, поднатужится,
Ляжет замертво — звездой больше.

Ташкент, октябрь 1998

* * *

Смиряться или бунтовать?
Идти ль покорно на закланье
Или взроптать, вскипеть, восстать
Против законов мирозданья?

Кто мы? Чего не понимаем?
И почему хотим понять:
Как сделать мир бескрайним раем,
Смиряться или бунтовать?

Смиряться тупо не могу я
И равнодушным к горю быть.
Нет, нет!.. А можно ли, бунтуя,
Сильнее, искренней любить?

Торговцев изгонять из храма?
Содом с Гоморрою сжигать?
Когда гноят невинных в ямах,
Смиряться или бунтовать?

В одном — ответ, в другом — гибель.
Но что — отвергнуть? Что — избрать?
Горя в костре, вися на дыбе,
Благословлять иль проклипать?

Смиряться или бунтовать?..

Ташкент, апрель 1999

* * *

Время сжимается — кто-то огромный
Наматывает ремень годов и столетий
На волосатую руку. (Глаза его — домны,
Волосы его — чугунные плети.)

И на этом ремне Атлантида тонет,
И пылают на нём еретики и Троя,
И в печах человеческий пепел стонет,
И парят над Голгофой трое.

Но ремень накручивается неукротимо
Силой великой и страшной обиды:
Хрустит не сахар — а мрамор Рима,
И в руку впиваются пирамиды.

И эру за эрой он на руку вяжет,
И чует он веком, чудовищно кратким,
Что этим ремнём он удавит себя же, —
И хлещет от злости по чёрным лопаткам.

Ташкент, ноябрь 1999